

Александр КОВАЛЕВ

Родился в 1949 году. Окончил Московский энергетический институт. Инженер-энергетик по образованию, доктор технических наук, профессор, академик ПАНИ. Одновременно более 40 лет профессионально работает в литературе. Поэт, публицист, автор двух десятков книг поэзии и прозы.

Лауреат премий Ленинского комсомола, имени Св. блг. князя Александра Невского, имени маршала Говорова Законодательного собрания и правительства Санкт-Петербурга и других.

Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

ПЕРЕЖИТЬ БЫ КРИТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ...

Лыжный след

Чей лыжный след неверный,
осторожный,
растерянный,
на всей земле один
бледнеет после утренней пороши
меж этих редких елей и осин?

Зачем он здесь,
зачем петляет ложно,
где – ни жилья,
ни путного зверья?
Что ищет он,
что отыскать возможно
в такой глуши к исходу января?

А ветер кружит,
снеги наметает –
ему нет дела до чужих потерь.
Чей лыжный след?
Куда?
Зачем петляет?..
Ищи-свищи свой собственный теперь.

На двухминутной станции

На двухминутной станции Скуратово
кому с платформы женщина кричала:
«Еще не поздно повернуть обратно!
Еще не поздно все начать сначала!
Еще не поздно...»?

Взяв с пол-оборота,
состав пошел уверенно, с разгоном.
Она еще надеялась на что-то.
Она еще бежала за вагоном.

...А поезд шел.
Слегка вагон качало,
стоп-кран краснел под пломбой виновато...
Кому с платформы женщина кричала
на двухминутной станции Скуратово?

* * *

Когда сорвавшийся болид
сгорит дотла в пыли обочин,
и боль ночная отболит
на переломе дня и ночи.

Когда в гранитный парапет
волна устанет биться с лёта,
и бледный августовский свет
затеплится у переплета.

Когда на стыке двух времен
есть полчаса до первой птицы,
я умоляю об одном:
пусть сон сомкнет твои ресницы.

Пусть хоть на эти полчаса
твой сон не потревожат гулко
ни звук шагов, ни голоса,
ни шелест листьев в переулке.

Пусть хоть на стыке двух времен
тебе, как в юности, приснится
и светлый, и счастливый сон
за целый миг до первой птицы.

* * *

Пойдем мимо ветхой ограды
в осенний, заброшенный сад,
где так упоительно сладок
был первой листвы аромат.

Где в тихой, тенистой аллейке,
однажды открывшейся нам,
синицы играли на флейте,
приветствуя нас по утрам.

Пойдем вдоль акаций и кленов
туда, где у сонной воды

в опавшей листве золоченой
теряются наши следы.

Туда, где с душою флейтиста
садовник еще и теперь
слетевшее золото числит
горчайшей из наших потерь.

Старуха и кот

По ночам в постель приходит кот —
бестия, с которой днем нет сладу.
Он на грудь ей голову кладет
и заводит долгие рулады.

Он старухе что-то говорит,
деликатно обходя вопросы:
скоро ли рябина отгорит?
Скоро ли поставит точку осень?

Прикорнув на одеяла край,
он одну лишь ноту тянет строго,
словно просит:
— Ты не умирай,
поживи еще, ну хоть немного...

Гаснут в небе звезды не спеша.
Им диванчик ни убог, ни тесен.
И светлеет небо и душа
от кошачьих немудреных песен.

* * *

От платформы вечерней
отойдут поезда.
Сединою по черни
следом канет звезда.

И до утренней просини
в обжигающих сполохах
на холодном откосе
будут гаснуть осколки.

А с зарей, как положено,
в желтой робе рабочей
вдоль откосов ухоженных
прошагает обходчик.

И привычно и просто,
чуть замедлив свой шаг,
разметет по откосу
остывающий шлак.

Прозрачное

Вот и пришло опять
время пустых скворешен.
Листья сгребает мать,
пилит отец черешню.

Ходит в руке пила,
точит кору сухую –
жалко, а все ж пора –
время сажать другую.

Где-то под листопад
плачет прощально птица.
Ветер летит сквозь сад –
не за что зацепиться.

* * *

Пережить бы критический возраст,
оказаться на том рубеже,
где – больней,
отвратительней подлость,
но обиды терпимей уже.

Где не в спешке,
не вдруг,
не на ощупь
и не под шепоток со спины
с каждым днем и яснее, и проще
пониманье добра и вины.

Где по-прежнему нет и в помине
ни удач, ни в кармане гроша...
Но смиренней, чем прежде,
гордыня,
но просторней, чем прежде,
душа.